

Станислав ГРОФ
Эрвин ЛАСЛО
Питер РАССЕЛ

РЕВОЛЮЦИЯ
СОЗНАНИЯ

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ
ДИАЛОГ

Питер Рассел

**Революция сознания.
Трансатлантический диалог**

«Ipraktik»

1999

Рассел П.

Революция сознания. Трансатлантический диалог / П. Рассел — «Ipraktik», 1999

ISBN 5-17-022717-5

Насколько велика вероятность осуществления сценария «конца света»? Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри»? Трое крупнейших ученых размышляют в этой книге о шансах на установление мира во всем мире. Как выясняется в ходе их бесед, даже если речь идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности, ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, является состояние нашего сознания.

ISBN 5-17-022717-5

© Рассел П., 1999

© Ipraktik, 1999

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Первый день	10
Мир в трансформации	10
Приступая к теме: шансы на трансформацию	10
Смерть и возрождение: вымирание и обновление	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Станислав Гроф, Эрвин
Ласло, Питер Рассел**
Революция сознания
Трансатлантический диалог
*Два дня со Станиславом Грофом,
Эрвином Ласло и Питером Расселом*

Ervin Laszlo, Stanislav Grof, Peter Russell
The Consciousness Revolution
A Transatlantic dialogue
Element Shaftesbury, Dorset Boston, Massachusetts Melbourne, Victoria

Перевод с английского: Марка Драчинского
Научная редакция к. филос. н. Владимира Майкова

© 1999 Stanislav Grof, Ervin Laszlo, and Peter Russell
© 2004 Издательство Института трансперсональной психологии
© 2004 Издательство К. Кравчука
© 2004 Издательство АСТ

Предисловие

«Революция сознания» – это необычная дискуссия между тремя великолепными умами нашего времени, живыми в своем взаимообмене, сострадательными в своем охвате, блистательными в своем громком призыве к пробуждению нашей совести и сознания.

Станислав Гроф – один из величайших психологов нашего и любого времени, каким его, несомненно, признает история. Его многочисленные книги – «Области человеческого бессознательного», «За пределами мозга», «Космическая игра» и другие – уже снискали ему заслуженную славу. В своих многочисленных друзьях и коллегах он вызывает не только глубочайшее уважение, но и подлинное восхищение. Это настоящий первооткрыватель в современном освоении обширных и, по-видимому, безграничных областей сознания; начертанные им карты этого невероятного ландшафта освещают его с точностью и страстью, равных которым в наши дни нет.

Питер Рассел – блистательный теоретик, вносящий поразительный творческий импульс в любую затрагиваемую им тему. В своих книгах, таких как «Пробуждающаяся земля», «Глобальный мозг» и «Белая дыра во времени», Питер снова и снова возвращается к вопросу, который может оказаться для грядущего тысячелетия судьбоносным: как именно изменения в сознании воздействуют на трансформацию мира в целом?

Если наш завтрашний день может быть приятнее, чем сегодняшний, то что для этого мы – в том числе, и вы, и я – должны изменить в себе прямо сейчас? Или, быть может, время уже упущено? Что же тогда делать? Питер бьется над этими взыскующими вопросами, проявляя не только пронизательный интеллект, но и подлинно сострадательное сердце, что сказывается на каждой написанной им странице.

Эрвина Ласло можно назвать гением системного мышления. В его книгах, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить, – мои любимые это «Системный взгляд на мир», «Эволюция: великий синтез», «Выбор», «Шепчущий водоем» и «Третье тысячелетие» – Эрвин Ласло, возможно, яснее, чем кто-либо еще из ныне живущих, выразил тот ошеломляющий и в то же время столь часто незамечаемый факт, что мы живем в безнадежно взаимозависимой вселенной, где каждое отдельное явление почти чудесным образом связано с любым другим. Делом его жизни, которому он отдается уже четыре десятилетия, является четкий и последовательный призыв признать эту невероятно переплетенную вязь, представляющую собой наш мир, нашу жизнь, наши надежды и сны. Поднимаясь к целостному видению, он помог бесчисленному числу людей вырваться из узких тенет удручающей фрагментарности, вот уже три столетия преследующих современный мир. Именно Эрвин Ласло, следуя предложению Уве Моравеца из Университета международного мира в Берлине, стал составителем книги, которую вы сейчас держите в руках. Эти три человека встречались в течение нескольких дней, чтобы, как рассказывает Эрвин, «поразмыслить о шансах на установление мира во всем мире». «В результате же оказалось, – продолжает он, – что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания».

Так началась их беседа. Читая последующие страницы, вы сможете следить за развитием этого захватывающего разговора по мере того, как он разворачивается, тема за темой: разумеется, трансформация сознания важна, но важны и многие другие факторы – от методов воспитания детей до экономики и политических институтов. Каким же оказался итог этой встречи? Возможно, Питер скажет об этом лучше: «Мы все собираем по кусочку мозаику, которая позволит нам сделать свою жизнь более осмысленной, счастливой и здоровой, наполнить ее боль-

шей взаимной заботой. Ценно каждое, даже самое крошечное, звено мозаики. Порой именно оно может внезапно объединить все остальные ее части, приведя к прорыву или духовному пробуждению. Если бы мы полагали, что наша задача – менять других, это означало бы, что мы упускаем главное. Мы считали бы себя какими-то особенными, имеющими право командовать и контролировать ситуацию. Все мы – части одного и того же рисунка. Каждый из нас должен задать себе главный вопрос: как я могу привести свою собственную жизнь в большее соответствие с этим рисунком? Что я должен сделать, чтобы моя крошечная, стотысячная доля была способна хоть в какой-то мере ускорить этот позитивный сдвиг?»

По моему мнению, Станислав Гроф, Питер *Рассел* и Эрвин Ласло проделали в настоящей книге, как и во многих других своих книгах, работу нескольких жизней по ускорению этого экстраординарного сдвига.

Кен Уилбер

Вступление

Летом 1996 года Стэн Гроф, Пит Рассел и я провели совместно два очень интенсивных дня. Первый – на террасе дома Стэна в роще возле Милл-Вэлли в Калифорнии, второй – на плавучем домике Пита в гавани Сосалито. Перед нами были – магнитофон и широкий ассортимент тем, на которые мы стремились пролить свет, как ради самих себя, так и ради других. Уве Моравец из берлинского Университета международного мира обратился к нам с просьбой поразмышлять о шансах на установление мира во всем мире. В результате же оказалось, что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания. Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри»? После того, как вопрос был сформулирован таким образом, нам пришлось перейти к дискуссии о взаимосвязанности внешнего и внутреннего. Это, в свою очередь, породило вопросы о природе ума и мира и о том, что мы начинаем узнавать о них. Затем, вернувшись к вопросу об окружающем нас мире, мы задались вопросом, каким образом мы можем на деле с эффективностью использовать то, что уже начало возникать и стало называться нашей новой картой реальности.

Моя собственная роль в диалоге была двойной: будучи участником дискуссии, я в то же время был назначен на роль ее модератора, поэтому моей задачей было следить за тем, чтобы разговор оставался в предписанной ему колее, фокусируясь на проблемах, имеющих отношение к достижению мира во всем мире. Поначалу я полагал, что для того, чтобы не давать разговору уходить от этих тем, мне придется формулировать конкретные вопросы, но вскоре обнаружилось, что никакой необходимости в этом нет. Диалог, будучи начат, далее развивался сам по себе, напоминая самовозгорающееся пламя.

Моей главной заботой оказалось нечто противоположное – мы слишком часто соглашались друг с другом, в то время как диалог, по идее, должен быть взаимной игрой контрастирующих взглядов. По счастью, контраст все-таки имел место, но не столько в горизонтальной плоскости разнящихся концепций и точек зрения, сколько в вертикальной, где самые серьезные вопросы освещаются под разными углами зрения, что позволило нам пробиться ближе к их корням и истокам.

Затем, когда я уже редактировал запись нашей беседы, моя задача состояла в том, чтобы он принял удобочитаемую форму. Это было нетрудно. Каждый из нас самостоятельно поработал над дословной записью своего собственного вклада в дискуссию и скопировал на диск отредактированную им версию. Таким образом, читатель может быть уверен, что то, что предлагается ему в печатной форме, совпадает с тем, что каждый из нас на самом деле хотел высказать. Собрав выправленные материалы, я просто позаботился о связности и последовательности изложения, указав на основные обсуждавшиеся нами темы.

Мы надеемся, что читатель, следуя развитию нашей дискуссии в ходе этих двух незабываемых дней в Калифорнии, хотя бы в какой-то мере сможет ощутить владевшие нами возбуждение и страсть и, размышляя о сказанном нами, обретет собственные прозрения.

Мне остается поблагодарить Уве Моравца и его коллег по Университету мира в Берлине за то, что они свели нас троих вместе. Все мы благодарны Кристине Гроф за гостеприимство, с которым она приняла нас в их со Стэном доме. Обстановка в эти два дня была идеальной, и, если высказанные за это время идеи имеют хоть какую-то ценность, то этому, безусловно, в первую очередь способствовали замечательные условия, в которых мы могли ими обмениваться.

Эрвин Ласло

Первый день Утро

Мир в трансформации

Приступая к теме: шансы на трансформацию

Ласло: Весьма актуален следующий вопрос: можно ли продолжать сегодняшний образ жизни, не провоцируя при этом аварийных ситуаций и кризисов и не ставя под угрозу благополучие всего мира? Озабоченность этим вопросом находит свое выражение хотя бы в том, как часто используется в наши дни слово «жизнеспособность».

Все говорят о жизнеспособности, но не все понимают, что именно поставлено на карту. Это нечто новое и неожиданное в истории человеческого рода – вести такой образ жизни, который не позволяет нам продолжать жить. Напрашивается неизбежный вывод: мы должны измениться. Боюсь, что вопрос уже идет не о том, *следует ли нам меняться*, а том, *как быстро и как качественно* мы изменимся. Поэтому вместо того чтобы обсуждать темы, которые обычно обсуждают все умные люди, – как много следует срубить или не срубить деревьев, и т. п. – мы должны честно обратиться к этому фундаментальному вопросу. Полагаю, что в первую очередь нам надо спросить себя, *где* мы находимся, *кто* мы такие и *как* мы смотрим на мир и на себя.

Возможно, мы приближаемся к величайшему водоразделу в истории. До сих пор человечество анализировало смысл великих водоразделов лишь после того, как они оставались позади. Но поступать так сегодня слишком рискованно. Необходимо тщательно разобраться в том, что нам уготовано, и осознанно стремиться к улучшению своих шансов. Для решения этой грандиозной задачи требуется пролить какой-то свет на ряд факторов, определяющих нынешние эпохальные перемены.

Позвольте начать со следующего высказывания: для того чтобы выжить и продолжить свое развитие, не обрекая себя на вымирание, мы должны пересмотреть свои представления о вселенной, о человеке и об идеях прогресса и развития.

Рассел: Вы говорите о вымирании, но что же именно стоит перед такой угрозой? Я не думаю, что на этой планете погибнет вся жизнь. Жизнь очень вынослива. Несмотря на то, что в прошлом вымирали ведущие биологические виды, жизни в целом всегда удавалось сохраниться. Возможно, если бы не глобальный катаклизм, стерший с лица земли шестьдесят пять миллионов лет назад динозавров и восемьдесят пять процентов других видов, эволюция не привела бы к возникновению человечества. Не исключено, что деятельность людей приведет к вымиранию других крупных видов. Если это действительно так, то это будет первый случай, когда причиной подобного вымирания оказывается образ жизни одного из собственных видов планеты. Разумеется, это будет беспрецедентным событием, однако и в этом случае жизнь сумеет сохраниться. При таком сценарии тем видом, к исчезновению которого приведут наши действия, будем, скорее всего, мы сами, однако мы не уничтожим всю жизнь на планете.

При самом наихудшем сценарии мы уничтожим озоновый слой. Тогда жизнь на суше станет невозможной. Ультрафиолетовая радиация так же опасна для насекомых, цветущих растений и микроорганизмов, как и для человека. Но в море жизнь сохранится; она существовала там за миллиарды лет до формирования озонового слоя. А впоследствии, когда озоновый слой восстановится, не исключено, что живые существа вновь заселят и сушу.

Впрочем, я не думаю, что это самый вероятный из сценариев. Гораздо более вероятно, что серия крупных экономических и экологических катастроф приведет к падению западной цивилизации. Но это не будет концом человечества. Некоторые изолированные туземные народы смогут выжить и в конечном счете создать новую цивилизацию – будем надеяться, более мудрую, чем наша. Впрочем, и падение западной цивилизации не означает физического конца для всех нас. Ведь крушение советской системы не привело к гибели жителей этих стран. Разумеется, там произошли далеко идущие перемены и для многих наступили трудные времена. Однако люди в большинстве своем все еще живы.

Все это, возможно, звучит довольно пессимистично, и тем не менее в отношении человеческих способностей и того, чего мы можем добиться в качестве индивидуумов перед лицом бедствия, я настроен оптимистически. Возможно, нам предстоит трудные в материальном отношении времена, но в то же время я верю, что мы стоим на пороге великих изменений в сфере сознания.

Ласло: К сожалению, возможность исчезновения целых видов всегда существует. Западная цивилизация в своей недалёковидности может привести к всеобщему катаклизму. У нас столько оружия и столько разрушительной силы, что мы вполне способны уничтожить если не всю жизнь на Земле, то все *высшие* формы жизни. Для ее восстановления могут потребоваться тысячи, а при наихудшем сценарии – даже миллионы лет. Но, конечно, жизнь на Земле все равно будет продолжаться – если не произойдет космическая катастрофа, – и Земля просуществует еще миллиарды лет.

Однако давайте обратимся к более конкретному примеру. В настоящее время избытков продовольствия в США хватает примерно на сорок дней, не больше. Если в отсталых странах случится крупный неурожай, импорт продовольствия станет невозможен ни за какие деньги. В случае серьезного сбоя с продуктами в Африке или Азии этого избытка хватит ненадолго.

И что же тогда произойдет? Что будет, если возможностей планеты Земля хватит лишь на то, чтобы прокормить пять или четыре миллиарда человек, а не шесть миллиардов? Что случится после того, когда «лишние» люди окажутся ниже уровня выживаемости? В подобной ситуации могут разразиться разрушительные конфликты, вспыхнуть опустошительные эпидемии, произойти массовые переселения. Содрогнется вся мировая система. Не очень-то хочется долго обсуждать вариант Страшного Суда, однако необходимо осознавать, что мы стоим перед угрозой весьма серьезных потрясений. Отсюда следует необходимость изменения западного способа смотреть на вещи.

Я недавно вернулся из Азии, где в очередной раз убедился в том, сколь мизерны там шансы у нуждающихся людей на какие-либо изменения в их жизни. Они с трудом умудряются сводить концы с концами. Большая часть человечества живет слишком близко к уровню выживания, и этот факт тоже подтачивает системы жизнеобеспечения.

Куда ни глянь, везде та или иная проблема, куда ни посмотри, везде необходимо как-то адаптироваться. Все это означает необходимость изменения ведущего модуса сознания. Это корень проблемы. Мы должны начать думать иначе, чувствовать иначе и по-другому относиться друг к другу и к природе. В противном случае нам не справиться с угрожающей нам опасностью. В наше время мы все находимся в одной лодке. Думаете ли вы, что у нас есть способность измениться? Есть ли реальный шанс на радикальное изменение в сознании?

Гроф: Я уже более сорока лет занимаюсь исследованием необычных состояний сознания, вызванных психоделическими препаратами или мощными экспериментальными формами психотерапии, а также теми, которые возникают самопроизвольно. За это время я был свидетелем огромного множества примеров глубокой трансформации индивидуального сознания. Среди наблюдаемых при этом изменений – значительное снижение агрессивности и

общее повышение сострадания и терпимости. По мере того, как растет способность наслаждаться жизнью, наблюдается значительное снижение ненасытного стремления к преследованию линейных целей – стремления, оказывающего, судя по всему, магическое воздействие на людей в западном индустриальном мире и во всем нашем обществе. Я говорю об убежденности в том, что «больше» означает «лучше», что неограниченный рост, удвоение или утроение валового национального продукта способно осчастливить всех нас. Другим важным аспектом этой трансформации является духовный кризис универсальной и несектантской природы, характеризующийся осознанием единства всего мироздания и глубокой связи с другими людьми, другими видами, природой и целым космосом.

Поэтому у меня нет никаких сомнений в возможности глубокой трансформации на личном уровне, а также в том, что она увеличит наши шансы на выживание, если будет происходить в крупных масштабах. Естественно, остается открытым вопрос, произойдет ли трансформация такого рода в достаточно крупном сегменте населения за достаточно короткое время, чтобы привести к существенным переменам. Перефразирую этот вопрос в практической плоскости: можно ли ускорить подобное изменение, и если да, то с помощью какой стратегии и какие побочные явления будут с ней сопряжены? Так или иначе, но в самой по себе человеческой личности уже имеются встроенные механизмы, способные стать промежуточным звеном на пути к глубокой и благотворной трансформации.

Ласло: В настоящее время мы видим, что в мышлении людей происходят изменения, предвещающие подлинную революцию в сознании. Что вы по этому поводу думаете? Связано ли это с тем фактом, что нам угрожает опасность, или же это случайность, простое совпадение?

Рассел: Я считаю, что связь есть. Но, скорее, не угроза является причиной трансформации, а обе они проистекают из одного и того же источника – свойственного нашей культуре материалистического сознания. Это коренная причина глобального кризиса. Наша деловая этика, наша политика, даже наш индивидуальный стиль жизни – все это лишь симптомы более глубокой проблемы. Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру.

Нас приучили верить, что чем больше у нас вещей, чем больше мы производим, чем больше у нас контроля над природой – тем мы счастливее. Именно это и приводит к тому, что мы так склонны всё эксплуатировать, так много потреблять, не заботясь о других частях планеты и даже о других представителях своего собственного вида. Нежизнеспособна сама эта разновидность сознания.

Сегодня лишь десять процентов населения мира принадлежит к обеспеченному классу, у представителей которого после приобретения еды, одежды, крыши над головой и других материально необходимых вещей еще остается достаточно денег на различные излишества. Однако эти десять процентов потребляют более трех четвертей всех ресурсов планеты. До массового сознания постепенно доходит факт нежизнеспособности такого порядка вещей. Невозможно обеспечить подобный стиль жизни всему человеческому роду, тем более что численность его постоянно растет.

Положительная же сторона состоит в том, что целесообразность этой материальной культуры и лежащего в ее основе материалистического сознания все чаще вызывает серьезные сомнения. Всё больше людей здесь, на Западе, где люди ведут самый расточительный образ жизни, начинают признавать, что такой подход несостоятелен, что он не дает нам того, к чему мы на самом деле стремимся. Наша система может быть очень хороша для удовлетворения наших физических потребностей. Мы можем покупать еду в супермаркете, путешествовать куда захочется, носить модную одежду, жить в роскошных домах. Однако она не отвечает

нашим более глубоким, внутренним, духовным потребностям. Несмотря на все свои материальные возможности, люди чувствуют себя такими же подавленными, незащищенными и нелюбимыми, как и прежде.

Гроф: В определенном смысле сам факт насыщения и перенасыщения в сфере базовых материальных потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время мы находились в плену иллюзии и ложной надежды на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен основополагающим образом изменить качество жизни, принося нам благополучие, удовлетворение и счастье. Богатство западных индустриальных стран на сегодняшний день невероятно, особенно в определенных слоях общества. Многие семьи наслаждаются подлинным изобилием – большой дом, два набитых едой холодильника, три или четыре машины в гараже, возможность поехать в отпуск в любое место в мире. Но ничего из этого не принесло людям удовлетворения – налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками и алкоголизм, преступность, терроризм и насилие в семье. Наблюдается повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция. Осознание краха философии мейнстрима ознаменовало в жизни многих людей поворотный пункт. Они начинают интересоваться альтернативой и обретают ее в духовном поиске.

Ласло: Такое впечатление, словно что-то в коллективной психике человечества включает предупреждающий сигнал, служащий стимулом к изменению.

Рассел: Нечто подобное пережил Будда до того, как стал Буддой. Он родился в очень богатой семье, был принцем, у него было все, в чем он только мог нуждаться, – замечательная еда, всевозможная роскошь, украшения, танцующие девушки. Но он осознал, что обладание всеми этими богатствами неспособно положить конец страданию. Он видел, что страдание присутствует в его собственной семье, среди его придворных, в городе за пределами дворца. Поэтому он решил посвятить свою жизнь поиску способа прекращения страдания.

Сегодня мы переживаем похожий процесс. С учетом современных удобств, которыми мы пользуемся, большинство из нас еще состоятельнее, чем Будда, когда он был принцем. И так же, как и он, мы начинаем осознавать, что все это благополучие не только не прекращает страдания, но иногда даже усугубляет его. В обществе широко распространена озабоченность смыслом жизни. Кто мы? Почему мы существуем? Чего именно мы на самом деле хотим? Речь идет не об отдельных людях – миллионы пытаются найти за пределами материальной цивилизации более глубокий смысл, внутренний мир и способ удовлетворения духовного голода.

Ласло: Есть признаки надежды. Если бы все люди верили, что их счастье обусловлено только существующими материальными стандартами и улучшением качества жизни по линии обычного прогресса, предусматривающего обладание все большим и большим числом вещей, то в конце этого туннеля не было бы никакого света. Но это не так. Если характер мышления людей претерпевает подлинные перемены, значит, можно рассчитывать на то, что постепенно формируется новая, более адаптированная к природе культура.

Гроф: В своей работе мне приходилось иметь дело с людьми, которые в течение многих десятилетий интенсивных и непрекращающихся усилий преследовали свою цель, а затем, наконец достигнув ее, впадали в глубочайшую депрессию, поскольку все это время ожидали получить от своей цели нечто такое, чего она дать никак не могла. Джозеф Кэмпбелл говорил об этой ситуации: «это все равно, что добратся до вершины лестницы и обнаружить, что она приставлена не к той стене».

Такая одержимость всевозможными линейными устремлениями весьма характерна для нас – как на индивидуальном уровне, так и для всей западной цивилизации в целом. Это погоня за миражом счастья, которое всегда мыслится как нечто, находящееся где-то в будущем. Ничто не удовлетворяет нас таким, как оно есть. Мы чувствуем, что что-то должно измениться: хотим иначе выглядеть, иметь больше денег, власти, положения или славы, хотим найти другого партнера. Мы не живем полностью в настоящем и воспринимаем свою жизнь как некую подготовку к лучшему будущему. Это модель постоянной ненасытности, никак не зависящей от наших конкретных достижений. Видя вокруг себя примеры людей, достигших всего того, что, как нам кажется, может нас осчастливить, – таких, как Аристотель Онассис, Говард Хьюз и многие другие, – мы начинаем понимать, что для них это не сработало, но так и не учимся на их примере, продолжая верить, что в нашем случае все было бы по-другому.

С другой стороны, я неоднократно встречал людей, которые оказались способны обнаружить психологические корни этой модели и сумели либо избавиться от нее, либо уменьшить ее влияние на ход их жизни. Как правило, они осознавали, что такое отношение к жизни тесно связано с присутствием в их бессознательном незавершенного гештальта травмы биологического рождения. Хоть мы и сумели родиться на этот свет, мы так по-настоящему и не усвоили и не интегрировали тот факт, что нам удалось избавиться от мертвой хватки сжимающего родового канала. Память об этом все еще живет в нашем бессознательном. Это впечатанное в нас знание впоследствии играет роль трафарета, через который мы видим мир и свое место в нем. Подобно младенцу, борющемуся с тисками родового канала, мы не можем наслаждаться существующей ситуацией и ищем решение в будущем. Нам всегда кажется, что оно где-то впереди.

Экзистенциалисты называют такую жизненную стратегию автопроекцией: мы воображаем себя в некой, лучшей, чем сейчас, ситуации в будущем, и начинаем преследовать этот мираж. Такая стратегия проигрышна, независимо от того, достигаем мы конкретной цели или нет, поскольку она никогда не приносит нам того, чего мы от нее ожидаем. Она ведет к неподлинному способу существования, неспособному дать истинное удовлетворение, к существованию, которое иногда называют «крысиными гонками» или «конвейером». Единственный выход – обратиться внутрь себя и завершить эту модель с помощью экспериментальной работы в процессе психодуховного возрождения. Полное удовлетворение в конечном счете наступает благодаря переживанию духовного измерения существования и своей собственной божественности, а не преследованию материальных целей какого бы то ни было масштаба. Когда люди правильно распознают психодуховные корни этой модели ненасытной жадности, они начинают понимать необходимость обращения внутрь себя и переживания внутреннего преображения.

Ласло: Находится ли такое осознание на подъеме?

Гроф: Впечатление, несомненно, именно такое. Я чувствую, что это как-то связано с тем фактом, что все больше и больше людей приходят к выводу, что автопроекция представляет собой обанкротившуюся, неработающую стратегию, поскольку они лично убедились в том, что материальный успех не приносит удовлетворения, либо, наоборот, из-за того, что непрерывное преследование ими внешних целей породило непреодолимые трудности. Так или иначе, ситуация отбрасывает их внутрь, в их собственный внутренний мир, и у них начинается процесс трансформации. Свою долю в этот процесс может внести и крах стратегии неограниченного роста в мировом масштабе.

К сожалению, психиатры часто диагностируют многих из тех, кто переживает такого рода радикальную трансформацию, как людей, страдающих психозом, и сажают их на седативные медикаменты. Мы с моей женой Кристиной верим, что среди людей, в настоящее время находящихся на излечении от психозов, есть весьма многочисленная группа тех, кто в действитель-

ности проходит сложную психодуховную трансформацию, нуждаясь в том, что мы называем «духовной скорой помощью».

Рассел: В определенном смысле вся наша культура нуждается в духовной скорой помощи. Во многих отношениях корни этой ситуации уходят к шестидесятым годам, когда многочисленные представители общества бросили вызов главенствующему мировоззрению, разглядев новый способ поведения и общения с людьми и миром, не основанный на старой материалистической парадигме.

Сегодня многое из того, что происходило тогда, может показаться проявлением наивности, однако прозрения тех лет глубоко затронули всю нашу культуру. К примеру, медитация считалась раньше чем-то чужеродным. В наши дни те или иные виды медитации практикуются повсеместно, ей обучают даже в некоторых корпорациях. Она стала общепризнанной и уважаемой формой деятельности. То же самое произошло и с йогой. В шестидесятые годы йогу изучал только авангард; сейчас ее практикуют миллионы людей.

Другой пример – психотерапия. В прошлом посещение психотерапевта автоматически воспринималось как признак того, что у вас серьезные психологические нарушения, что у вас далеко не всё в порядке. В сегодняшней Калифорнии считается, что у вас не всё в порядке, если вы *не* ходите к психотерапевту. Даже те, кого мы считаем психологически здоровыми, осознают, что они не реализуют весь свой потенциал, признавая, что без посторонней помощи им, вероятно, не удастся обнаружить ограничивающие их скрытые психологические комплексы и мыслительные модели.

Тридцать лет назад мало кто интересовался саморазвитием. В наши дни интерес к нему стал достоянием мейнстрима. В шестидесятые годы, когда я был студентом в Кембридже, в самом большом книжном магазине в Британии была лишь одна полка с книгами по эзотерическим темам и духовным учениям. Сегодня в любом городе вы найдете как минимум один магазин, а чаще – с полдюжины магазинов, полностью посвященных книгам по исследованию сознания и метафизическим вопросам.

Рост интереса к этим вопросам отражается и в списке бестселлеров. В последние годы книги по саморазвитию, по вопросам духовности и исследования сознания составляют около 50 процентов, а порой и больше, из числа наиболее продаваемых книг. Это то, что люди читают, то, что их интересует. Сходные тенденции наблюдаются в кино, телевидении, в журналах, даже в Интернете.

Ласло: Из сказанного следует вывод, который всегда занимал мое воображение и продолжает занимать его все больше и больше. Речь идет о том, что мы, как индивиды, возможно, не являемся пленниками своего черепа, запертыми в собственной коже. Что все мы какими-то интимными узами связаны друг с другом, а быть может, и со всеми другими проявлениями жизни на планете. Поэтому в ситуации, когда всем нам угрожает реальная опасность – а сейчас сложилась именно такая ситуация, – что-то проникает в умы людей, пусть даже большинство этого и не осознаёт, и включает предупреждающие сигналы, порождая стремление к изменениям. Полагаю, не будет преувеличением предположение о существовании всеобщего разума человечества, чего-то вроде ноосферы, коллективного бессознательного, действующего внутри и вокруг нас. В эти дни оно начинает проявляться в сознании отдельных людей. Возможно, существуют силы, действие которых простирается за пределы обычных экономических, политических и общественных факторов. Это важно для нашего выживания; если бы действовали одни лишь обычные факторы, ситуация выглядела бы практически безнадежной: их никак не хватит для того, чтобы мы изменились вовремя.

Мы уже и так значительно отстаем. Для предупреждения завтрашнего кризиса нам необходимо было бы измениться еще вчера. Однако если в нашем коллективном бессознательном

есть нечто способное проникать в сознание индивидов, то ситуация выглядит более обнадеживающей.

Гроф: Не могу не согласиться с этим. События в мире не всегда развиваются по линейной логической схеме. Мы с вами оба, Эрвин, родом из Восточной Европы, и политическое развитие там живо интересует нас. Думаю, вы согласны с тем, что если бы кто-то за неделю до падения Берлинской стены сказал нам, что это произойдет, мы бы со смехом отмахнулись от такого прогноза, как от нелепой фантазии. Столь же неправдоподобно прозвучало бы заявление, что после сорока лет советского тоталитаризма и политического деспотизма Горбачев просто потеряет интерес к Венгрии, Чехословакии, Польше и другим союзным странам и предоставит им свободу. И уж тем более нелегко было предвидеть, что сам Советский Союз буквально в одночасье распадется и прекратит свое существование в качестве мировой державы. О предсказании подобных событий на основе обычной экстраполяции прошлого опыта не могло быть и речи. Тут должны были сработать какие-то иные факторы.

Ласло: О том, что такие процессы происходят нелинейно, скачкообразно, могло подсказать нам знание того, как трансформируются сложные системы. Отдельные детали великих трансформаций непредсказуемы. Можно лишь ожидать от них неких радикальных новшеств. Но возможны ли такие же революционные перемены в процессах, проистекающих в нашем уме? Произойдет ли в ближайшие годы столь же далеко идущая и бесспорная трансформация и в нашем сознании, несмотря на то, что на сегодняшний день можно наблюдать лишь едва заметные ее симптомы? Возможно ли, что мы находимся на пороге великой революции в сознании?

Рассел: Безусловно, возможно. Если интерес к личностному развитию будет продолжать расти такими же темпами, и если этот интерес найдет свое выражение в изменении сознания, то мы станем свидетелями процесса позитивной обратной связи, ведущей к экспоненциальному ускорению внутренней осознанности. Чем больше пробуждается людей, чем шире распространяется знание о факторах, культивирующих внутреннюю осознанность, – тем благоприятнее становится социальная среда для дальнейшего пробуждения, поощряя к пробуждению все большее число людей. В результате вероятность изменения в сознании растет, и само изменение становится более легким. Такое развитие может спровоцировать коллективный скачок в сознании.

Смерть и возрождение: вымирание и обновление

Рассел: Однако, помимо возможной революции в сознании, есть и много других возможных сценариев. Мы только что говорили о том, что живем в непредсказуемые времена. Темп перемен столь высок, а мир настолько сложен, что никто не возьмется предсказать, каким он будет через десять или даже через пять лет. Несомненно лишь одно – нас ожидает много внезапных перемен. Некоторые из них могут оказаться катаклизмами, некоторые – крупными политическими переворотами, иные – значительными сдвигами в сознании. Не думаю, что в наших силах точно прогнозировать, *что именно и как* будет происходить. Мы должны быть готовы к любым, самым неожиданным событиям. Может произойти все, что угодно.

Ласло: Или не произойти ничего. Это было бы хуже.

Рассел: Такого не будет.

Ласло: Я имею в виду, что, когда перемена произойдет, нас уже не будет.

Рассел: Нас, возможно, не будет. И страх, вызываемый такой возможностью, весьма реален. Он сам по себе требует пристального внимания, поскольку очевидным образом связан со страхом смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.